

Алексей Митрофанов
Калуга

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

Калуга. Городские прогулки

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Калуга. Городские прогулки / А. Митрофанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906756-2

Калуга — город нереальный. Сколько ни приезжай — все кажется, что это был какой-то странный сон. Ну не может в действительности существовать такой город.

ISBN 978-5-44-906756-2

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Улица Кирова	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Калуга

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-6756-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Калуга – город нереальный. Сколько ни приезжай – все кажется, что это был какой-то странный сон. Ну не может в действительности существовать такой город.

Судите сами. Ничем, казалось бы, не примечательная русская провинция вдруг делается цитаделью освоения космических пространств. Почему-то именно сюда из Боровска переводят Константина Циолковского.

А другой ученый с мировой известностью, тоже космист, Александр Чижевский? Не чересчур ли для небольшого городка?

Простые калужане думают, что нет, относятся к такому феномену как к чему-то само собой разумеющемуся. Потому в магазинах на центральных улицах в одном ряду с шампунями, электроутюгами и посудой стоят «люстры Чижевского» и никого не удивляют.

А неширокие горбатенькие переулочки, которые выводят пешехода в самые неожиданные части города и никогда почти что не пересекаются друг с другом под прямым углом? А дома, стоящие на этих улочках – архитектуры странной, сумасшедшей, неземной? А глубочайший овраг, перерубающий Калугу в самом центре на две части? А древнеримский мост в пятнадцать арок, переброшенный через овраг?

Вам этого мало? Тогда поезжайте в Калугу, продолжите список.

* * *

Первое упоминание о Калуге относится к 1371 году. После чего о ней на время забывают и, по большому счету, вспоминают только в 1606 году, когда Калуга неожиданно для всех становится центром восстания под предводительством Ивана Болотникова.

К тому времени Калуга совершила переезд – ранее город находился выше по речке Яченке, на Симеоновом или Мирносицком городище. Академик В. Ф. Зуев, путешествуя в XVIII веке от Санкт-Петербурга до Херсона, писал: «Городище сие окружено высоким земляным валом с воротами или проездом и глубоким рвом с одной только восточной стороны; с двух же противоположных сторон окружено глубокими буераками и не столь высоким валом, а с четвертой подошел крутой яр, составляющий берег реки Яченки, на котором также виден небольшой вал. В середине одного находятся некоторые ямины, довольно глубокие, но ныне заросшие, которые положением своим одна подле другой кажутся оставшиеся после погребов. Фигура сего городища продолговато-четырёхугольная; в длину оно имеет 310 больших шагов, а поперек 150; от вала видны были раскаты, по углам башни, и с трех сторон проезды или ворота. Из ям одна тройная, глубокая, расположена поперек городища, и недалеко от оной имеется другая о четырех ямах и расположена по длине городища».

Да, что касается вопросов безопасности, старое место было несколько удобнее. Но развитию города больше способствовало расположение на судоходной Оке.

Спустя столетие Калуга украшается настолько, что способна в полной мере очаровать приезжего туриста. Один из них, московский батюшка Иван Лукьянов в 1700 году восхищался: «Град Калуга стоит на Оке реке, на левой стороне, на горе, высоко, красовито; немного таких

городов в Московском государстве. А города нет; был деревянный, да сгорел, только башня одна с проезжими воротами осталась. А церквей в нем каменных – 11, деревянных – 18. Жильем зело пространен; люди зело доброхотны; приволен зело хлебом и овощом и лесом всяким и дровами доволен; другова поискать такова города в Московском государстве; площадь торговая зело хороша, рядом такожде много, торговых людей весьма много и зело проходцы в чужия земли с купецкими товары: в Сибирь, в Китай, в немецкия земли, в Царь-град».

В 1708 году город вошел в Московскую губернию, а в 1776 году повысил свой статус – было образовано Калужское наместничество. В должность заступил первый калужский губернатор – М. Н. Кречетников. Город преобразался на глазах. Исследователь П. С. Щепетов-Самгин писал о том времени: «Возведено было много новых красивых каменных зданий, изменено направление улиц, которые сделались широкими и прямыми, исключая весьма немногие, оставшиеся в прежнем виде; некоторые церкви перенесены на другое место. Ветхие казенные дома старого острога – гауптвахта, канцелярия, воеводский дом – были сломаны, и вместо них по линии от Покрова к рядам, против собора, выстроено огромное двухэтажное здание присутственных мест в виде буквы П, вчерне стоившее казне 200 000 руб., а на месте воеводского дома – большой деревянный дом для наместника. Старые деревянные лавки перенесены были на хлебную площадь, а вместо них выстроен каменный гостиный ряд в готическом стиле. Мясные ряды переведены в Березуйский овраг, а кузницы... к Московским воротам. Московская улица проложена вновь по тому направлению, по которому идет ныне. Поперек города, с запада на восток, проложена Садовая улица, оканчивающаяся двумя круглыми площадями».

Фундаментальнейший комплекс Присутственных мест выстроен был в 1785 году, а в 1788 появился не менее масштабный Гостиный двор. В 1796 году определяется окончательный статус Калуги – центр Калужской губернии. Вскоре после этого в городе появляется прекраснейший архитектурный памятник – дом Золотаревых (ныне – краеведческий музей). А «Большой географический словарь Российской империи» за 1804 год дает Калуге лестное определение: «Жители города Калуги наибольшую частью торговые люди, и хотя не все зажиточные, однако малым промыслом купно взирая на изобилие и дешевизну съестных припасов, живут весьма довольно. Народ весьма здоровый, постоянный, честной и спокойный, женский пол чист, здоров и тих».

(Последнее, пожалуй, можно считать эталоном женственности того времени.)

Тогда же в калужском журнале «Уrania» появляется запись: «Ныне сей город весь почти выстроен по опробованному плану весьма порядочно; улицы расширены, а некоторые вновь проведены, которые, будучи большею частию открыты к рекам Оке и Яченке, очищаются от городских испарин, доставляя городу чистый воздух, делая чрез то в оном здоровый для жителей климат; а бдение полиции и исправность пожарных инструментов сохраняют город от свирепости пожаров... Ощутительно калужане с 1777 года переменили как образ мыслей, так и в поступках, и в обхождениях приметно восприяли совсем новое образование: самая одежда, экипажи, пища, пиры и увеселения появились в новом вкусе».

В 1809-м в Калуге появляется целая сеть богоугодных заведений Хлюстиных – явление по тем временам уникальное. Да и по нынешним – тоже. Калуга продолжает хорошеть. Гоголь даже сравнивает город с излюбленным своим Константинополем. Николай I называет Калугу «бесприданной красавицей». А Иван Аксаков пишет: «Что за чудное местоположение Калуги, особенно теперь, при разливе Оки».

В середине девятнадцатого века украшению города здорово способствует правление губернатора В. Арцимовича (везло Калуге с губернаторами). «Кто помнит Калугу до и после управления Арцимовича губерниею, тот может засвидетельствовать, до чего скучен и пуст был наш губернский город в эти два окольные периоды и каким оживлением отметилось это промежуточное, светлое и короткое время, – писал один из современников, П. Обнинский. – Сонный город проснулся, оживился; он стал думать, говорить, действовать, спорить и совещаться в той

области человеческого общения, которая живет высшими и чужими интересами, общественными идеалами и нуждами, в которой работают умы и бьются сердца в приподнятом настроении, в которой нет ничего пошлого, злободневного, своекорыстного и узкого, в которой растет и очищается душа человеческая. Сколько новых интеллигентных сил появилось в городе на поприще государственной и общественной службы, как содержательна и интересна сделалась „неофициальная часть губернских ведомостей“, какие жизненные темы завладели беседами в свободный вечерний час! Все ожило и работало вокруг, и воскресенный обыватель уже не мог оставаться изолированным в этом бодрящем, заразительном и обновляющем движении. Какой-то облагораживающий отпечаток лег на всех и на всем».

Разумеется, не все было так радужно. Оказавшийся в Калуге публицист-народник Н. В. Шелгунов в 1869 году рассказывал: «Есть под Калугой слобода Подзавалье. Хотя она в административном отношении подчинена 5-му кварталу 1-й городской части, но слобода эта все-таки не часть города, а деревня, тяготеющая к городу экономически и исключительно им живущая. В Подзавалье более 100 дворов и 70 из них живут исключительно сапожным ремеслом. Всех сапожников, взрослых и подрастающих, считается в Подзавалье более 250 человек. Сапожная статистика Подзавалья дает следующие цифры: каждый сапожник может сшить в неделю три пары сапог, а в год не больше 140, следовательно, все Подзавалье сошьет 35 000 пар. Каждая пара дает чистой прибыли от 50 коп. до 1 руб., следовательно, вся чистая прибыль составляет от 17 500 руб. до 35 000; а на каждого отдельного сапожника приходится в год от 70 до 140 руб. Уже из этих цифр видно, что экономическая сторона подзавальского производства не особенно блистательна... Большинство сапожников переколачиваются изо дня в день: чего сегодня выручил, то и проел. Это заставляет их продавать сапоги в лавки или же прямо работать по заказу лавочников, получая от них товар. Лавочная плата 70 коп. с пары, но на каждую пару сапожник делает расходы копеек 20 – гвозди и очищается ему 50 коп... Есть семейства, в которых на одного взрослого мастера приходится трое-четверо ребятшек, которых нужно кормить... Положение таких семейств самое печальное, ибо чем человек беднее, тем все достается ему дороже».

Но экономические трудности случаются во все эпохи и при всех правителях.

В 1876 году Калуге делают очередной комплимент. Автор его – человек с тройной фамилией, князь Александр Петрович Оболенский-Нелединский-Мелецкий. В «Хронике недавней старины» он искренне восхищается: «Город очень красив, улицы камнем вымощенные, широкие, строения много каменного; два купеческих дома такие, что были бы хороши и в Петербурге. В одном из них жила Императрица, а другой назначен был для покойной Елизаветы Алексеевны. В первом (я внутри не был) убранство главной комнаты стоило хозяину, купцу Золотареву, сказывают, 10 000 рублей... На главных улицах тротуары; аллея, обсаженная деревьями, для гулянья; мост каменный и широкий, одним словом, все хорошо, что едва ли есть другой столько же хороший губернский город».

В 1887-м введен в строй водопровод – довольно рано по российским меркам. В 1892 году из Боровска в Калугу переводят учителя математики Константина Эдуардовича Циолковского. С этого момента начинается «космическая» слава города – со всей страны съезжаются ученые исследователи и просто любопытные, желающие поглядеть на «чудака, открывшего причину космоса».

В 1912 году калужский краевед Дмитрий Малинин описывал, как постепенно «раскрывается» город путешественнику: «Приближаясь к Калуге из Москвы... уже со станции Калуга-товарная можно видеть городские строения. Но Калуга с этой стороны лежит на ровной местности, почему и не производит никакого впечатления. Картина совершенно меняется, когда поезд идет с товарной станции к пассажирскому вокзалу по возвышенной насыпи, пересекая три улицы. Тогда виднеется значительная часть Калуги, раскинувшейся на далекое пространство пестрым узором, посредине которого там и здесь мелькают высокие шпили красивых колоко-

лен церковей. Но не успел еще зритель достаточно всмотреться в живописную картину, как уже мелькают вокзальные здания, и поезд останавливается у обширного двухэтажного вокзала. Это новый Калужский вокзал, построенный в начале XX в. . . . Прежний же, небольшой вокзал лежит за путями, против нового вокзала, и теперь в нем помещается несколько отделений железнодорожного училища. Новый вокзал представляет собою большое, обширное каменное на высоком фундаменте здание, со стороны подъезда скомпонованное в трех корпусах, расположенных в известной симметрии. Построен он в смешанном стиле, столь характерном для modern'a, и бросается в глаза некоторой вычурностью. Вокзал очень поместителен и вполне обслуживает надобности пассажиров».

А Ю. и З. Шамурины писали в 1914 году: «Лучше чем всяческие теоретические доказательства, Калуга разбивает установившееся крепко мнение, что провинциальный город – обиталище скуки, собрание нелепых домов, похожих на казармы или ящики, грязных кривых улиц и переулков. . . . Расположена Калуга по берегу Оки, на высоком косогоре. С противоположного берега, также высокого, красива панорама города со светлеющими среди деревьев главами колоколен и церковей, с невысокими домами и протекающей по глубокой долине Окой. В городе хороши правильно распланированные в Екатерининские времена улицы, сады, бульвары, поросшие вековыми деревьями овраги, так неожиданно и красиво нарушающие строгую планировку улиц, придающие городу живописный и уютный вид».

В 1915 году в Калуге появились сразу два автомобиля: один – у губернатора, второй – у председателя окружного суда.

* * *

Увы, в советское время Калуга несколько теряет лоск. Или требования меняются? Эпидемиолог Ю. Вусович пишет в 1930-е: «Калуга производит впечатление заброшенного „беспризорного“ города – скверные тротуары и мостовые с провалами и ямами, разрушающиеся дома и крупные общественные здания (например, прекрасное по архитектуре здание Гостиного двора), поваленные заборы, свалки мусора даже у общественных мест (под городским садом) и по оврагам дают такое впечатление от теперешней Калуги».

Но уже в 1961 году К. Паустовский признается: «В своей жизни я видел много городов и у нас, в Советском Союзе, и на Западе, но ни один город не произвел на меня такого впечатления, как Калуга. Впечатления чего-то родственного, очень культурного и очень русского».

Красота этого города, тонущего в весенней листве пышных садов, великолепие его архитектурных ансамблей и исторических памятников, его оживленная культурная жизнь и широкое развитие промышленности – все это создает хорошую питательную среду для воспитания новой и передовой молодежи».

Город реабилитирован. И овая космической славой. Ведь тогда же, в 1961 году Гагарин вышел в космос. И в связи с этим событием вспомнили о Циолковском.

Не удивительно, что в 1967 году именно здесь открывают Музей истории космонавтики, присваивают этому музею имя Константина Эдуардовича и начинают принимать туристов уже не со всей страны, а со всего земного шара. С этого момента город окончательно приобретает статус родины всемирной космонавтики.

Улица Кирова

Самая оживленная, освещенная и жизнерадостная – улица Кирова, в прошлом Большая Садовая (скорее всего, названная так из-за садов), или Мироносецкая (по церкви Жен Мироносиц), или Теренинская (в честь богатого купца Теренина). Почему так вышло? Почему именно Киров и именно в Калуге? Какая эзотерическая ниточка связывает первого секретаря Ленинградского губкома партии с городом, где он, похоже, никогда и не бывал? Непостижимо.

Улица примечательна также в градостроительном смысле. В одном из путеводителей дано точнейшее описание: «Всякий, кто мог бы посмотреть на наш город с высоты птичьего полета, обратил бы внимание на гигантскую двухкилометровую гантель, протянувшуюся с востока на запад и образованную улицей Кирова и двумя круглыми площадями на ее концах Победы и Мира».

Так и есть: главная улица Калуги упирается концами в две огромные круглые площади. Добро пожаловать на главную калужскую «гантель».

Начинается она с площади Мира. До 1941 года здесь находился калужский театр, а сейчас – памятник Циолковскому, на закладке которого присутствовал сам Сергей Павлович Королев.

С театром связана одна занятная история. В 1775 году Екатерина Великая приехала в город знакомиться с жизнью своих верноподданных. Год случился неурожайный, однако наместник Иван Никитич Кречетников распорядился, чтобы по краям дороги, по которой следовала матушка-императрица, стояли копны сжатого хлеба. Триумфальные ворота, поставленные в честь того события, украсили ржаными и овсяными снопами.

Екатерина Великая прознала про обман и изъявила желание посетить городской театр, притом потребовала, чтобы актеры сыграли комедию Я. Б. Княжнина «Хвостун», как раз и обличающую пускание пыли в глаза высокому начальству. Преподала, так сказать, изящный урок.

Тогда театр еще находился на улице Тульской (нынешней – Кутузова), где размещался в бывшем частном доме, пожертвованном одним купцом. Вскоре дом обветшал, и новое здание было возведено на Сенной площади (теперь – Мира). В 1836 году он сгорел, какое-то время спектакли давали в Загородном саду, но в середине столетия для театра снова отстроили помещение, все на той же Сенной. Спустя 9 лет сгорело и оно, и в 1875 году появилось еще одно, весьма фундаментальное, на том же месте. А площадь переименовали в Театральную. Здесь играли Федотова, Яблочкова, Дальский и иные знаменитости той эпохи.

Калужский театр отличался прогрессивностью. Здесь, например, давали грибоедовское «Горе от ума». Правда, удалось устроить только два спектакля. После чего губернатор Смирнов получил из столицы депешу: «С разрешения г. генерал-адъютанта гр. Орлова имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство приказать означенную пьесу как воспрещенную по Высочайшему повелению для представления на провинциальных театрах, немедленно исключить из репертуара Калужского театра, и с тем вместе не благоугодно ли будет Вам, милостивый государь, сделать распоряжение, дабы на театре не было представлено пьес без предварительного разрешения оных цензурой III отделения».

Что поделаться? Пришлось подчиниться.

«Ревизора», впрочем, ставили свободно. В частности, в 1846 году в Калугу прибыл на гастроли актер М. С. Щепкин. Тут же оказавшийся И. С. Аксаков сообщал в письме: «Вечером отправился в театр... Давали „Ревизора“. Щепкин играл по обыкновению очень хорошо».

Все-таки избирательна была цензура того времени.

* * *

Перед театром располагалась биржа калужских извозчиков с выборным старостой, который собственно извозом не занимался, а только лишь следил за выполнением простейших цеховых законов. Главный из них касался очередности обслуживания. Определялся он по жребию – каждый извозчик клал в головной убор свою помеченную денежку (к примеру, гнутую или надломленную), и староста по очереди вслепую доставал из шляпы эти своеобразные «фанты».

За нарушение полагалось наказание, накладывалось и приводилось оно в исполнение незамедлительно – староста бил провинившегося извозчика кнутом по спине.

* * *

Однако не только театр и биржа заполняли это место. В 1895 году на Сенной разбил шатер зверинец рижского антрепренера Клейберга. Калужане с удовольствием смотрели на диковинные номера, которые демонстрировали братья меньшие. Особенное впечатление производили дрессированные львы, понукаемые дрессировщиком Г. Бурчинелли. Он клал своему воспитаннику голову в разинутую пасть, чем приводил в ужас трепетных калужанок. Но ведь кроме калужанок есть еще и калужане. Один из них, конюх Семен Кузнецов забузил:

– Не верьте! Вас обманывают. Никакой это не Генрих Бурчинелли, а Юрка Буртыкин. А лев – вовсе не лев, а типа кошки, только великан. Сейчас я ему покажу.

И просунул руку в клетку. А лев, не будь дурак, начал ту руку пережевывать. Один студент, присутствующий при этом колоритном зрелище, скончался от разрыва сердца. Все остальные получили массу эмоций.

Поддержание порядка в зале – особая история. Полицейские, судя по всему, проявляли такую бдительность и рвение, что приходилось их даже останавливать. В частности, в 1893 году калужский полицмейстер издал такое указание: «Его Сиятельство г. Начальник губернии изволил приказать, чтобы в мое отсутствие в театре дежурный пристав занимал бы мое место в первом ряду кресел, а не в столе, если же я лично присутствую в театре, то пристав занимает свое место, но все-таки не остается в фойе или буфете во время представлений, а лишь во время антрактов обходит коридоры и прочие помещения, наблюдая за порядками, с поднятием же занавеса садится на положенный ему по контракту стул 4-го ряда у прохода. Предписываю точно соблюдать мои указания».

Видимо, «Начальнику губернии» до смерти надоела рожа пристава, то и дело появляющаяся то в дверях зрительного зала, то среди кулис.

Тут опять же вышел перекосяк, приставы расслабились чрезмерно. Спустя четыре дня последовало новое распоряжение: «Во время представления пьесы «Блуждающие огни» имел место случай, который мог окончиться очень печально, и только благодаря смелости пожарного служителя 2 части Смирнова не произошло пожара. На подъемной верхней рампе одна из ламп распаялась (от загрязнения горелки). Керосин весь вспыхнул и стал падать на сцену в виде огненных хлопьев, очевидно, и немногочисленная публика, и дежурный помощник Пристава думали, что это так следует по ходу пьесы, но когда я, быстро пройдя за кулисы, увидел, что произошло, то ужаснулся: лампа пылала на большой высоте между несколькими висящими декорациями, и до нее можно было добраться только по колосникам (тонкие бруски), рискуя свалиться».

Пожарный Смирнов быстро сбежал по бруску и, ухватясь за веревку, шапкою и руками погасил огонь. Смирнову назначаю в награду три рубля, а ламповщика предписываю привлечь к ответственности».

Так недавний наказ не усердствовать и соответствующее название пьесы – «Блуждающие огни» – усыпили внимание полиции.

* * *

Главной же заботой полицейских (применительно к театру, разумеется) оставался надзор за репертуаром. И время от времени полицмейстер выговаривал режиссеру: «На первых трех представлениях товарищества артистов под Вашим управлением мною было замечено, что комики (особенно Дмитриев) позволяют себе прибавлять очень много фраз, которых в текстах пьесы нет, имея в виду, что по существующим законоположениям это, безусловно, воспрещается. Считаю необходимым предупредить Вас, милостивый государь, чтобы на будущее время артисты не прибавляли от себя ничего, а в костюмах и игре не выходили из рамок приличия под страхом ответственности по суду и совершенного прекращения спектаклей».

Можно, конечно, предположить, что полицмейстер-самодур, дабы подстраховаться (да и власть свою продемонстрировать), придрался к фразам, которые иной и не заметил бы, но что-то подсказывает – не так все просто. А упоминание «рамок приличия» и вовсе наводит на мысль, что господин Дмитриев был тот еще скабресник.

С 1911 года, по словам краеведа Д. Малинина, площадь начали приводить в культурный вид. Вместо возов с сеном и контаря (своеобразного безмена. – АМ) разбили сквер для прогулок.

Но не так страшен был контарь, как всевозможные общественные беспокойства. В начале двадцатого века театр стал ареной не только сценической, но и политической. Калужский губернатор А. А. Офросимов сообщал директору Николаевской гимназии и председателю педагогического совета женской гимназии Н. В. Панкратову: «1905 г. ноября 22. Секретно. Воспитанники калужских средних учебных заведений, после происходивших 22 и 23 минувшего октября беспорядков в г. Калуге, прекратив хождения свои толпами с красными флагами по улицам города, за последнее время опять стали вести себя вызывающе. Так, 18 сего ноября в городском театре, где не было ни одного надзирателя учебных заведений, ученики после 4-го акта шумно требовали играть марсельезу, что, однако, не было исполнено. После спектакля, расходясь по Садовой улице, ученики пели революционные песни и, видя, что это для них безнаказанно, 20 ноября позволили себе вновь произвести беспорядки, а именно: около шести часов вечера на Никитской улице группа учащихся, человек 30—40, запела революционные песни. На место немедленно был выслан разъезд казаков...»

Но не в панкратовских силах было остановить революцию.

Кстати, несмотря на склонность калужан к бунтарству, футуристов Маяковского и Большакова откровенно прокатили. «Калужский курьер» сообщал, что на их выступления с лекциями и стихами публика отреагировала «холодно и до преступности безразлично. Мало того, что на две объявленные лекции публика не захотела оказать честь гастролерам, но и собравшиеся в количестве 3—4 десятков человек на первой лекции ничем не реагировали на вызов футуристов... На вторую лекцию пришло десятка два. Игра не стоила свечей, и футуристический спектакль, то бишь доклад, подлежал отмене. И только благодаря любезности лично присутствовавшего в театре г. Чукмалдина, принявшего на себя убыток, вторая лекция состоялась. Она прошла более оживленно, нежели первая... Он (Маяковский) импонирует хорошей дикцией и плавностью речи. В тоне слышится убежденность, сплетающаяся с самообожанием... Маяковский просто... не признает авторитетов и для него старые классики – обуза, которую надо снять с плеч современности во что бы то ни стало... „Я диктую России законы поэзии“... „Я учитель, и вам у меня, а не мне следует у вас учиться“».

Словом, поэт Маяковский в своем выступлении лишь подтвердил репутацию «прославленного футуриста из стаи московских скандалистов». А Большаков – так и вовсе «скромный юноша, закатывающий глаза и захлебывающийся от упоения в передаче футуристической поэзии».

Директор калужской гимназии писал полицмейстеру: «Имею честь довести до вашего сведения, для зависящих с вашей стороны распоряжений, что учащимся г. Калуги закрыт

доступ на 12 и 13 апреля в городской театр на лекции футуристов К. Большакова и В. Маяковского».

То ли дело – фокусы со львами.

* * *

Вскоре власть «переменилась», и вместе с нею изменилась жизнь театра. Спектакли стали ставиться другие, события же начались ранее немислимые. Например, однажды подошел к директору вооруженный человек и протянул ему бумагу. В той бумаге значилось: «Дирекции Гор. театра. Президиум Совета Раб. С. и К. Депутатов поручает предъявителю сего тов. Ассен-Аймеру в гор. театре вечером 30 дек. с. г. организовать спектакль или бал-маскарад со сбором в пользу невинно расстрелянного отв. Гордиенко за политические убеждения. Президиум предлагает Вам принять меры к тому, чтобы в этот вечер гор. театр был предоставлен в распоряжение названного товарища для указанной цели. Президиум предлагает товарищам артистам помочь своим выступлением в этот вечер за вознаграждение по согласованию с устройтеlem вечера тов. Ассен-Аймером».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.